

УДК 398.541"18/20"

DOI: 10.17223/19988613/49/24

Д. Самсон

К ВОПРОСУ О РАЕ У НЕНЦЕВ И ОБСКИХ УГРОВ (XIX–XXI вв.)

Анализируются представления ненцев и обских угров о «рае» как своем реальном и символическом жизненном пространстве в контексте религиозного и политического взаимодействия аборигенного и русского миров. Рассмотрено понятие о «рае» в общинах сибирской Арктики на материалах проповеднической литературы, этнографии, устного народного творчества остяков, вогулов, самоедов начиная со времени Российской империи и до сегодняшнего дня – на основе информации представителей современной ненецкой интеллигенции на Ямале. Временной диапазон позволяет проследить динамику и трансформацию представлений об утраченном рае как жизни «без болезней, без налогов и без русских» в XIX в. до обустройства XXI в. в сибирской тундре православного лагеря, воплощающего Землю надежды – Новый Иерусалим. Исследуя противоречия реального мира, в котором живут ненцы и обские угры, и их идеальных представлений о «рае», автор стоит на платформе «понимающей этнографии», когда ученый говорит с носителями традиционной культуры на одном языке и признает за коренными народами приоритетное право голоса.

Ключевые слова: коренные народы Северо-Западной Сибири; истории из жизни; Мир иной; Земля надежды.

Православные миссии снова направляются в тундру и тайгу, как и в XIX в. Однако на этот раз миссионеры, обещающие рай, добираются туда на вездеходах или на вертолёте, как Патриарх Кирилл, спустившийся на ненецкую землю с небес. А существует ли понятие «рай» в общинах сибирской Арктики? В статье кратко изложены результаты работы коллоквиума «Сибирь – как рай», организованного автором совместно с двумя коллегами в Парижском институте политических исследований (Сьянс По) 8–9 июня 2015 г., на котором было дано право голоса коренным народам и представлены так и не застывшие со временем культуры.

По вполне понятным причинам история Сибири породила противоречивые интерпретации среди исследователей: одни говорят о «колонизации», другие предпочитают такие определения, как «завоевание», «покорение» и «освоение»; что касается отношений русских с местным населением, одни представляют обращение в христианство более или менее наносным, другие видят в нём сложности или даже препятствие развитию коренных культур и т.д.

Конечно, целью этой короткой статьи не является поиск однозначных ответов на поставленные вопросы, речь идёт скорее о том, чтобы дать новую информацию к размышлению о религиозном и политическом взаимодействии русского и коренного миров в (суб)арктической Сибири. В этом контексте понятие о рае будет освещено в широком смысле: во-первых, на материале проповеднической литературы, этнографии, устного народного творчества остяков, вогулов, самоедов времен Империи, во-вторых, с опорой на информацию двух представителей современной ненецкой интеллигенции на Ямале: Анастасии Лапсуи (1944 г.р.) и Анны Неркаги (1951 г.р.). Исследовательская позиция – «понимающая этнография», чтобы были слышны живые голоса, язык ненцев и обских угров. Данная платформа предполагает, что ученый должен говорить с носителями традиционной культуры на одном языке и признавать за коренными народами приоритетное право голоса.

«Сегодня ваш день, завтра будет мой»¹ [1. С. 8]. В течение последних десятилетий Россия открывает заново собственную проповедническую деятельность. В XIX в. проповедник был одним из главных деятелей и очевидцев контактов с населением Сибири: он брал на себя роль путешественника, этнографа, переводчика, наставника и целителя; его тексты, героем которых зачастую являлся он сам, представляют собой уникальные следы на почти пустых страницах памяти. Тем не менее стоит напомнить о двойном обращении в новую веру: проповедника, который соглашается выйти из привычной среды и броситься «подобно овце в волчью стаю» [2], можно сравнить только с местным жителем, реальный и символический мир которого погружается в хаос. Внимательное изучение древних источников показывает, что ответом на эти события и распространение Священного Писания в северо-евразийских общинах было слово.

Понятие райского сада, очевидно, чуждо остякам, самоедам и вогулам, но смерть не является для них концом, поскольку покойный никогда не уходит один: близкие наполняют его могилу одеждой, предметами и пищей, которые пригодятся ему в мире ином. Александр Дунин-Горкавич отмечал достаточно смутные представления *инородцев Тобольского Севера* о мире ином: в пространство, где царят тьма, нищета и непреложно тяжёлый труд, попадают скверные люди, но только после некоторого времени «горения»; другое пространство предназначено для добрых людей, которые не будут ни в чём нуждаться, поскольку о них позаботится небесный дух Торум. Финский лингвист Кустаа Фредрик Карьялайнен, автор замечательного труда *Религия югорских народов*, в свою очередь, писал, что мир иной часто представлен «как место, где находятся не все усопшие, а только те из них, кто заслуживает или получает незаслуженное наказание» [3. С. 241; 4. С. 141]. Как и современники, эти авторы подчёркивают тот факт, что мир иной является подземным, и уделяют особое внимание его границам: «Как и здесь [на земле],

русские отделены от остяков» [5. С. 43]. Вслед за этим Карьялайнен уточняет: «Нет там только чиновников, налогов и сборов, по крайней мере, в этом отношении у угров человек сам себе хозяин» [4. С. 140]. Таким образом, согласно представлениям обско-угорских общин, должен существовать простой мир усопших, в котором те пребывают в покое, а также расположенное ниже царство Эн, с «государственной формой, чуждой умершим», где «“тены” должны жить под давлением строгих правителей и переносить нужду и даже наказания за их проступки на земле» [3. С. 241].

Можно ли увидеть в таком описании мира иного, вне его очевидных противоречий, ответ колонизируемого колонизатору-просветителю? Если рассматривать проповеднические миссии XIX в. в соответствующем контексте, гипотеза кажется вполне правдоподобной. Не являются ли эпизоотия, эпидемии оспы, сифилис («яд русского сладострастия», по выражению англиканского пастора Уэньона) [6. С. 217], алкоголизм и обилие долгов основанием для того, чтобы говорить о вымирании коренного северо-евразийского населения?² Что удивительного в том, что вслед за растущей санитарной и социально-экономической маргинализацией, подтверждаемой российскими и европейскими источниками, а также местной литературой, среди остяков в долине реки Обь появляется представление если не о «рае», то, по меньшей мере, о «третьем небе без болезней, без налогов и без русских» [11. С. 64], среди ительменов на Камчатке – представление о «подземном мире, где богачи беднеют, а бедняки богатеют, без гроз и без русских»³ или же о «сне» и возвращении героя Ичи на землю селькупов? «Когда Ича заметил, что Крестос и демон приобретают всё большее влияние, он решил уйти от своего народа. И он ушёл далеко за моря, чтобы отдохнуть и спать. Однако, уходя, он сказал Крестосу: “Сегодня ваш день, завтра будет мой”. Когда наступит этот день, Ича очнётся ото сна и вернётся; соберёт вместе всех своих рассеянных по земле детей и прогонит чужеземцев из Сибири. Теперь, когда на земле царят Крестос и дьявол, все бедны и несчастны, а раньше все были богаты и счастливы. Теперь трудно прокормиться, а раньше всего было в изобилии. Ича просто заснул, он не умер, он вернётся» [1. Р. 8].

Таким образом, в коренных сибирских общинах во взаимодействии с христианством веками вырабатываются политические и религиозные стратегии или даже намёки на мессианство, позволяющие осмысливать и сдерживать бремя колонизации, а именно – выполнение царских повинностей (налоги, присяга) и христианское проповедничество (нежелание становиться русскими). От «третьего неба без налогов, без болезней и без русских» до вины в смерти Медведя, возлагаемой на русских в комплексе ритуалов угорского Медвежьего игрища, включая атрибуты российской власти, украшающие угорских богов-покровителей с XVIII в., – во всём разыгрывается счастливый конец истории. Как будто должны возродиться благополучие и гармония на зем-

ле, где некогда жили угорские боги, а затем остяки, вплоть до того момента, когда внезапно появились встречь солнцу люди с огнестрельным оружием и зажигательной смесью.

Покинутый рай. Анастасия Лапсуй родилась в тундре Яр-Сале. Её семья потеряла всех оленей из-за эпидемии и перешла в 1951 г. к оседлому образу жизни, добывая пропитание за счёт рыбной ловли. Анастасия пряталась, чтобы не ходить в школу, но через два года всё-таки начала учиться в селе Ныда. Некоторые школьники относились к своему делу с душой. Другие, как Анастасия, не только прошли обязательную общеобразовательную программу, но научились путешествовать между мирами, поочерёдно жить в двух разных социальных пространствах, двух языках, двух культурах. Иногда эти миры взаимодополняют друг друга, иногда совершенно противоположны: так, русский язык, используемый в школах на всём советском пространстве, власть и культура противостоят ненецкому языку, отсылающему к узкому кругу близких людей и маленькой общине, кочевому образу жизни и устному литературному творчеству. Анастасия совершенно ясно отдаёт себе отчёт в том, какой адаптации требует от ненцев внешний мир. Опыт её семьи соответствует тому, что пережили многие ненцы, которых обращали в христианство, а затем – в воинствующий атеизм, уже в советском обществе, где святое перенесли с золочёных куполов на красную звезду. Послевоенное поколение, к которому и относится Анастасия, ставшая примерной пионеркой в 1955 г., знало только СССР – место, освященное пролитой кровью и окружённое злейшими врагами. Именно там находились материально ощутимый рай, священная земля и канонизированные советской властью правители.

Что говорит нам ненецкий язык о земле (я)? Проезжая по Западной Сибири, Чехов и Ленин увидели в ней только унылую череду болот и озёр; природа не раскрылась перед ними, возможно потому, что они не говорили по-ненецки. Ненцы же видят в природе живое существо: они говорят не о горизонте, а о *я' маха* («спине земли»); они видят не обрыв, а *надо' ся''* («лицо горы»); они слышат не шум озёрного потока, а *то' сё* («горло реки»); они касаются не земной коры, а *я' хоба* («кожи земли») и т.д. В слове «земля» берёт своё начало мысль. Оживает мир: *я' сармик* («животное, зверь, животный мир»), *я' тер* («житель»), *ям' мядота* (медведь; буквально: «использующий землю как чум»); строится память: *я' падар''* (карта; буквально: «бумага земли»), *я' вал* (очень древняя легенда; буквально «легенда земли»); в череду жизни встраивается человек: *ервсйда я юнгунив* (в каждом месте присутствует жизнь, к которой следует относиться с уважением; буквально: «у каждой земли свой хозяин»), *Я' небя* («мать-земля») носит людей, а также наделена чертами богини *Яминя, Ямюня*, которая защищает и творит, помещает душу в каждое рождающееся тело. Наконец, самым своим

пространством земля способна выразить целомудрие чувств: *Сидда'' манэ'' мани' сер', я нарма, сейми нарма* («При взгляде на вас раскрылась земля, раскрылось моё сердце») [12. С. 26].

Ненецкие дети с давних времён учатся тому, что стоит и чего не стоит делать (*хэвы*) в мире, где всё связано: нельзя обижать землю, втыкая в неё острый предмет, нельзя причинять ей боль, вырывая траву, — это её волосы; если люди выроют в земле ямы, из них выползут огромные черви, заполонят землю и не оставят места людям. Как будто речь идёт о прообразе фонарей и буровых вышек в тундре, а также внутреннем отчуждении, царящем в семьях оленеводов.

В фильме «Покинутый рай» (1994) документально точно представляется быт двух семей: сибирской и канадской. Ненецкая семья Яптик живёт в тундре, Ньюбитя — хозяин своей земли: он там родился, вырос, женился, завёл детей, а затем медленно приблизилась старость. Он не видит в этом трагедии и понимает смысл жизни: «Я пришёл вслед за предками, после меня останется молодёжь, дети, которые тоже будут хозяевами своей земли. Они из рук в руки передадут новому поколению свою любовь к этой земле, традиции, язык, обычаи и олени». Олени и земля — достояние этой семьи, её единственное богатство. Но поскольку на земле, воспеваемой ненецким эпическим героем Сивом Ноеця, «поистине лучшей земле»⁴, люди поддаются искушению, пренебрегая запретами духов-хозяев, арктический сад погибает и из него постепенно вытесняется человек. Вот и семья Яптик обречена «покинуть рай», изгнание из которого происходит в период с 1992 по 2001 г. Вскоре после съёмок, весной, один из сыновей, Александр, покончил жизнь самоубийством, потому что не смог заплатить за 40 оленей цену, назначенную его невестой Алёной Тадибе, которая вышла замуж за другого оленевода; отец, Ньюбитя Яптик, заболел: он умер в больнице Харасавзя; младший сын, Леонид, поехал продавать лисьи шкуры в село Сёяха, под действием алкоголя его встреча с «друзьями» закончилась трагедией: один русский взял ружьё и застрелил Леонида, за которым в тот момент прятался другой человек. Сейчас в тундре живут только Мюсёня, вдова Ньюбити, и Татьяна, их дочь: у них больше нет своего чума, они останавливаются там, где их могут принять, как несчастные героини старого ярабца⁵. Так происходит падение человека в Сибири, по версии Анастасии Лапсуи. Следы зайца на снегу, полёт первой вороны, вход лемминга в норку, который предсказывает погоду, цвет сумерек и рост молодых оленьих рогов отражаются теперь в металле машин, железнодорожных путей и газопроводов. Земля уже опустошена промышленностью, олени начинают болеть из-за истощения пастбищ, некоторые семьи уже утратили традиционный образ жизни. Однако для Анастасии, которая, по её собственным словам, пришла в этот мир, чтобы сделать его лучше, рай ещё существует и оживает перед нашими глазами: вначале из-за экрана появляется еле

заметное шевеление, затем начинают расти рога, а потом неожиданно, на фоне неба, вырисовываются олени. Божественно прекрасны серебристые олени на фоне умытой утренним дождем тундры. Оленеводы свободны от предрассудков цивилизации, не гонятся за деньгами. Их бог — Олень. Их души целостны, червь зависти не грызет сердца. Они великолепны. Не знают писаных законов. Следуют обычаям, традициям земли, которая их вскормила.

Ненцы из тундры и ханты из тайги составляют единое целое со своей землёй, они едины с богами, духами, животным и растительным миром, миром усопших. В русском мире земля тоже долго была «святой», как это отмечается в *Московских хрониках 1613 г.*: «Русские, особливо знатного рода, согласятся скорее умерить, нежели отправить своих детей в чужие земли; разве царь их принудит. Они думают, что одна Россия есть государство христианское; что в других странах обитают люди поганые, некрещенные, не верующие в истинного Бога; что их дети навсегда погубят свою душу, если умрут на чужбине между неверными, и только тот идет прямо в рай, кто кончает жизнь свою на родине»⁶.

Как же найти общий язык, если я по-ненецки значит «земля», а по-русски — «эго»?

Земля надежды, Новый Иерусалим для молодёжи. По мнению Анны Неркагуи, только невежа может считать Сибирь адом из-за холода, удалённого географического положения и условий жизни. В действительности, на этой земле есть всё, что нужно человеку, чтобы не погибнуть, а свобода, которую даёт тундра, напоминает покинутый рай. Поэтому на Полярном Урале Анна пришла к Богу. Сейчас она смотрит на мир только Его глазами.

Когда я в первый раз останавливался у Анны в тундре, на Байдарате, зимой 1996 г., она была против наших бесед: «Когда говорил Христос, его не записывали». У меня было такое ощущение, что она держит на своих плечах весь мир. Анна сказала мне: «Я знаю, что никогда не умру». Она и сейчас ещё плачет, потому что люди забыли о Боге, а следовательно, и о вечной жизни, довольствуясь простым выживанием — работой, пищей, удовольствиями — и заполнением жизни, которая их пугает, потому что её невозможно контролировать. Даже если эта жизнь в них самих. Предназначение человека в том, чтобы давать, творить, но он только берёт, потому что думает, что жизнь у него только одна. Как же он может портить землю, даже не замечая этого, не понимая, что портит при этом самого себя? Каждый из нас носит в себе частичку земли, за которую он в ответе.

У Анны было видение: прекрасные голубые города со множеством куполов, люди там, как казалось, не страдали от голода и болезней. Теперь Анна мечтает создать маленькие голубые города для своего народа. В нескольких километрах от деревни Лабовравая, на Полярном Урале, она заложила первый камень будущих храмов: Земли надежды. В истощенной промышленной

разработкой Арктике появился православный лагерь для детей-сирот, школа кочевой жизни в условиях арктической тундры, средство от «разложения души» и опустошения, пришедшего с цивилизацией: «Еду я в автобусе с буровиками и слушаю, о чем они говорят. Только о деньгах. Сколько получили, сколько собираются получить. Как мастер обманывает их, записывая заниженную выработку. Помолчали и снова о деньгах. А я думаю, вот сижу я – ненка. Хоть бы кто-нибудь подсел ко мне и спросил, как я живу. Рада ли я тому, что они делают с моей землёй. Что от их ударного труда скоро в тундре не останется живого места, и нам придется переехать в города, где наши мужики сопьются и умрут. Или хотя бы просто поболтали со мной о чём угодно. Нет. Они не замечают меня. Я для них пустое место».

Помимо церкви Архангела Михаила, которая является душой этого края и почти все иконы которой были написаны Зоей Неркагуи, сестрой Анны, там стоит около двадцати домов: церковь, иконописная мастерская, школа, столовая, несколько домиков для местных жителей и посетителей, допущенных в этот храм под открытым небом, чумы с саями, кельи для уединения, детская площадка. Есть даже стадо бизонов, около шестидесяти голов, которых привезли из Гренландии, стадо сторожат три пастуха.

Речь идёт также о маленькой общине, как при первых христианах, которая делится всем, пытается избежать взаимных обид, найти любовь к ближнему и прощение. Что-то вроде островка на континенте. В окружении сирот из тундры, детей, доверенных ей родителями, и взрослых Анна проповедует учение о красоте мира, «даже если эта красота всего лишь бледное отражение Царствия Небесного» в оправе икон Зои Павловны.

Наконец, Земля надежды – Новый Иерусалим в самой тундре, «приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего» [16], чтобы встретить возвращение Христа. «Как начальство готовится к приёму президента Путина», – уточняет Анна. Не все земли готовы принять Спасителя: по мнению Анны, конец сначала наступит в Москве и Санкт-Петербурге, «российских Содоме и Го-

морре», а Ямал, где, по её словам, «голубые слёзы оленей, как драгоценные бриллианты, собраны у Бога на ладони», готовится к этому пришествию. Анна ждёт в своём раю на Полярном Урале, где нет ни газовых, ни нефтяных человечков – как не было на третьем небе остяков XIX в. ни налогов, ни болезней, ни русских, где дети учатся радости жизни. Словно «каменные книги», причина существования которых не только в том, что листки рукописи разлетелись – как это можно прочесть, – а в том, что в мире ненцев «всё умирает и разлагается, кроме камней» [17. С. 125], потому что, подобно драгоценным камням, украшавшим фундамент Нового Иерусалима в Апокалипсисе, они являются «большой и высокой стеной», на которой начертано Благое слово и которая составляет фундамент Земли надежды, основу жизни и символ веры для Анны, находящейся во главе общины Веры, Труда и Братства.

Благодаря Земле надежды, Анна возрождает ненецкую традицию, согласно которой женщина поддерживает огонь перед домом: Анна разжигает огонь в душах. Однако, освящая вновь это пространство, она также обращает русский мир лицом к самому себе и следует ненецкой традиции, наподобие поэта-оленевода Юрия Веллы: он посвящал одного оленя каждому президенту Российской Федерации, чтобы напомнить ему об ответственности за тайгу: если твой олень выживет, ты достоин этой должности, а если он не выживет, то для чего ты нужен?

Сибирь – как рай? В разговорах и жизненных историях Анастасии Лапсуи и Анны Неркаги проявляются два противоречивых и специфически интерпретированных видения утерянного райского сада и Нового Небесного Иерусалима: Земля надёжная в рассказах Анастасии и Земля надежды в рассказах Анны. На самом деле арктическая Сибирь XXI в., где теперь соседствуют олени, гуси, снежные куропатки, вездеходы, буровые вышки и колокольни, совершенно очевидно может представляться раем и для Яны Худи: ненецкая девочка порвала рублю на мелкие кусочки и разбросала их по ветру, чтобы в её тундре денег выросло так же много, как цветов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ича, селькупский герой, обращаясь к Христосу, «другу демона» [1. С. 8].

² Сам Михаил Сперанский написал о произволе и злоупотреблениях властей в сибирских губерниях: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд, что и можно было бы сделать, то здесь [в Иркутске] оставалось бы уже всех повесить» [7. С. 89; 8–10].

³ Сообщение Дэвида Коэстера, профессора Антропологии в университете Аляски (Фэрбэнкс, США) по случаю встречи в Париже в марте 2015 г.

⁴ *Мань ями ненэса юо' саво я ю э' нив'* (Моя земля поистине лучшая) Сив Ноеца («в семи одеждах») [13. С. 76].

⁵ Вид ненецкой эпической песни, где от первого лица в реалистической манере рассказываются различные приключения (поиск супруги, месть сына, споры потомков, мир *sikhirtia*, социальное неравенство) и победа героев, которые в земной битве могут стать богами или духами потомства [13. С. 40–56; 14].

⁶ См. «Летопись московская. 1584–1612» Конрада Буссова, жившего в эпоху Смутного времени (по другим источникам: лютеранского проповедника Мартина Бэра) [15].

ЛИТЕРАТУРА

- Donner K. A Samoyed Epic // *Suomalais-ugrilaisen seuran Aikakauskrija*. 1913. № 30. P. 1–12.
- Евангелие от Матфея. Гл. 10. URL: [http://allbible.info/bible/sinodal/mt/10#!prettyPhoto\[iframes\]/15/](http://allbible.info/bible/sinodal/mt/10#!prettyPhoto[iframes]/15/).
- Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. II. 282 с.

4. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. I. 152 с.
5. Дунин-Горкавич А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск : Тобольская типография, 1911. Т. III. 208 с.
6. Wenyon C. À travers la Sibérie à travers la route de la malle-poste. Genève : Olizane Éditions, coll. «Objectif Terre», 2001. 245 p.
7. Томсинов В.А. Сперанский. М. : Молодая гвардия, 2006. 451 с.
8. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири в XIX столетии. СПб. : Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Т. 6, ч. 1. 808 с.
9. Ядринцев Н.М. Инородцы и их вымирание // Русская мысль. 1883. № 3. URL: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1883_inorodtzy_sibiry_oldorfo.shtml
10. Кузнецов Е.В. Первые кабаки в Сибири. Тобольск, 1890. 20 с.
11. Поляков И.С. Путешествие в долину р. Оби. Письма и отчёты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. 200 с.
12. Харючи Г.Р. Природа в традиционном мировоззрении ненцев. СПб. : Историческая иллюстрация, 2012. 160 с.
13. Куприянова З.Н. Эпические песни ненцев. М. : Наука, 1965. 782 с.
14. Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
15. Летопись московская. 1584–1612 (Глава VI. Междуцарствие. 1606). URL: <http://www.rus-biography.ru/DocPage/?IdDocs=1537>.
16. Откровение Иоанна Богослова. Гл. 21. URL: <http://allbible.info/bible/sinodal/re/21/>.
17. Неркаги А.П. Илir, Молчалий. Тюмень : СофтДизайн, 1996. 416 с.

Dominique Samson Normand de Chambourg. Institut national des langues et civilisations orientales (Inalco) (Paris, France). E-mail: dsamsonnormanddechambourg@yahoo.fr

ON THE ISSUE OF PARADISE AMONG THE NENETS AND OB UGRIANS (THE XIX–XXI CENTURIES).

Keywords: indigenous peoples of North-Western Siberia; life stories; another world; "the Land of hope".

The author of the article sets the task to perform the notions of Nenets and Ob Ugrians on "Paradise" as their real and symbolic living space in the context of religious and political interaction of Aboriginal and Russian worlds. The concept of "Paradise" in the communities of the Siberian Arctic is highlighted on the material of preaching literature, ethnography, oral folklore of Ostyak, Voguls, Samoyeds of the times of the Russian Empire, and the information of representatives of the modern Nenets intelligentsia in Yamal as well. The author's position is primarily to give voice to indigenous peoples and this idea became the scientific and ideological platform of the Colloquium "Siberia as Paradise" that was organized at the Paris Institute for Political Studies. Held on a comprehensive database study reveals the complex contradictions at the level of vital realities, where the indigenous population of (Sub) Arctic Siberia lives in two different social spaces, two languages, and two cultures. Sometimes these worlds complement each other and sometimes they are entirely opposite. Adaptation to the outside world requires from the natives to learn how to travel between the large world, where you have to develop a sedentary lifestyle, to go to school, first turn to Christianity, and then to militant atheism, and a small community with a narrow circle of relatives and friends. Another tier of contradiction is between the real world and ideal concepts about the "paradise" on earth, where once Ugrian gods lived, everything was abundant, and everyone was rich and happy up to the moment when the people with firearms and incendiary mixture suddenly appeared. For the Ostyaks of the XIX century, the lost Paradise embodies the idea of the "third heaven with no diseases, taxes and with no Russians". For the Nenets woman Anna, who lives on the Yamal Peninsula, the land of hope – the New Jerusalem is located in the Siberian tundra itself, where there is all that a man needs to survive, and the freedom that the tundra gives is the reminiscent of the abandoned Paradise. Founded in the XXI century by a small community in the Polar Urals the Orthodox camp with a church, an icon painting workshop, a school, diner, and several cabins is a prototype of the lost Paradise, where Anna preaches the doctrine of the beauty of the world and prepares for the coming of God. By acknowledging and exploring the contradictions of the real world for the life of Nenets and Ob Ugrians live and their ideal notions of "Paradise" and its incarnation on earth, the author is on a platform of "understanding Ethnography", when a scientist speaks the same language with traditional culture bearers and recognizes the priority right of the indigenous peoples to speak their mind.

REFERENCES

1. Donner, K. (1913) A Samoyed Epic. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskrija*. 30. pp. 1–12.
2. The Bible. (n.d.) *Evangelie ot Matfeya* [The Gospel of Matthew]. Chapter 10. [Online] Available from: [http://allbible.info/bible/sinodal/mt/10#!prettyPhoto\[iframes\]/15/](http://allbible.info/bible/sinodal/mt/10#!prettyPhoto[iframes]/15/).
3. Karyalaynen, K.F. (1995) *Religiya yugorskikh narodov* [Religiya of the Ugrian peoples]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Karyalaynen, K.F. (1994) *Religiya yugorskikh narodov* [Religiya of the Ugrian peoples]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
5. Dunin-Gorkavich, A. (1911) *Tobol'skiy Sever. Etnograficheskiy ocherk mestnykh inorodtsev* [The Tobolsky North. An Ethnographic Essay of Local Non-Russians]. Vol. 3. Tobolsk: Tobol'skaya tipografiya.
6. Wenyon, C. (2001) *À travers la Sibérie à travers la route de la malle-poste* [Across Siberia Across the Road from the Mail Coach]. Genève: Olizane Éditions.
7. Tomsinov, V.A. (2006) *Speranskiy* [Speransky]. Moscow: Molodaya Gvardiya.
8. Andrievich, V.K. (1889) *Istoricheskiy ocherk Sibiri v XIX stoletii* [A Historical Sketch of Siberia in the 19th Century]. Vol. 6(1). St. Petersburg: V.V. Komarov.
9. Yadrintsev, N.M. (1883) *Inorodtsy i ikh vymiranie* [Non-Russians and Their Extinction]. *Russkaya mysl'*. 3. [Online] Available from: http://az.lib.ru/j/jadrince_n_m/text_1883_inorodtzy_sibiry_oldorfo.shtml.
10. Kuznetsov, E.B. (1890) *Pervye kabaki v Sibiri* [The First Taverns in Siberia]. Tobolsk: [s.n.].
11. Polyakov, I.S. (2005) *Puteshestvie v dolinu r. Obi. Pis'ma i otchety o puteshestvie v dolinu r. Obi, ispolnenno po porucheniyu Imperatorskoy Akademii Nauk* [A Journey to the Ob Valley. Letters and Reports on the Journey to the Ob Valley on behalf of the Imperial Academy of Sciences]. Tyumen: Mandr i Ka.
12. Kharyuchi, G.P. (2012) *Priroda v traditsionnom mirovozzrenii nentsev* [Nature in the Traditional Worldview of the Nenets]. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya.
13. Kupriyanova, Z.N. (1965) *Epicheskie pesni nentsev* [The Nenets Epic Songs]. Moscow: Nauka.
14. Golovnev, A.V. (2004) *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor* [Nomads of the Tundra: Nenets and Their Folklore]. Ekaterinburg: Ural Branch of RAS.
15. Bussov, K. (n.d.) *Letopis' moskovskaya. 1584–1612* [The Chronicle of Moscow. 1584–1612]. [Online] Available from: <http://www.rus-biography.ru/DocPage/?IdDocs=1537>.
16. The Bible. (n.d.) *Otkrovenie Ioanna Bogoslova* [Revelation of John the Theologian]. Chapter 21. [Online] Available from: <http://allbible.info/bible/sinodal/re/21/>.
17. Nerkagui, A.P. (1996) *Ilir, Molchashchiy* [Ilir, the Silent]. Tyumen: SoftDizayn.